

Русское представление о богатстве и счастье

Богатство сегодня является для многих русских пределом мечтаний и целью жизни. Оно соединяется с представлением о счастье и вживляется в головы детей старшими поколениями, пережившими разорение последних десятилетий. Однако подобные воззрения ложны, им наперекор встаёт русская картина мира, заложенная в нашем языке, которая трактует богатство и счастье совершенно в иной системе ценностей.

Слово **богатство** восходит к корню, обозначающему Бога. Богатый – значит отмеченный Богом, наделённый Им неким достоянием. И в этом смысле богатый уравнивается с убогим: в корне данного слова тоже читается “Бог”, и убогий означает ‘пребывающий у Бога и с Богом, и только на него полагающий своё упование’. Сравним это слово с обычной при крайностях жизни мыслью: “Только на Бога и остаётся надеяться”. Состояние богатства и убожества – два полюса пребывания под Покровом Божиим. Подобное представление, диктуемое нам русским языком, заставляет каждого сознавать, что “Бог дал, Бог и взял”. И потому кичиться богатством, скарденничать и жадничать, копить и жидоморить – глупо и богопротивно. Вот откуда явилась щедрость в русском национальном характере, удивляющая другие народности, считающаяся ими глупостью или простодыростью.

Русское бесшабашное “не жили богато, нечего и начинать” на самом деле является не только прививкой от жадности и накопления, оно определяет устремлённость русского человека к более важным для него делам, оно поощряет творчество, которое на Руси противоположно понятию о стяжательстве, оно нацеливает на духовные подвиги и воинский героизм, невозможные, если в целях жизни мыслить наживу и прибыль.

Русское представление о богатстве и счастье происходит из многотысячелетнего, ещё индоевропейского понимания, что мироустройство зиждется на верности народа правде-истине: у древних ариев-иранцев ложь считалась одним из главных бедствий, грозящих человеку, наряду с вражеским нашествием и голодом. Верность правде и ненависть ко лжи обязывала русского человека быть справедливым. Вот откуда родом наши правдоискательские русские идеи равенства: “Что тебе – то и мне”, “что всем – то и одному”. Вот что заставляло нас сызмала воспитывать в детях навик справедливого распределения достатка: “Варлам – пополам, Денис – поделись”.

Ещё русское понятие о богатстве как достоянии, дарованном Богом, включает в себя воззрение, что блага и ценности, какие Бог даёт человеку, ограничены Его волей. А потому “имение” есть заданная и замкнутая величина,

и если у одного что-то прибавляется, значит, у другого нечто отнимается. Одни процветают за счёт других. Но поскольку подобное отъятие и изъятие ценностей происходит вопреки воле Бога, то людей, неожиданно и быстро разбогатевших, в народе сознательно или подсознательно считали колдунами, нарушающими Божьи законы, и частенько обходились с ними “по справедливости”, изымая несправедно нажитое. В этом исконном представлении коренятся причины русских бунтов и восстаний, в нём – истоки народной мысли о неизбежной расплате за мздоимство и ростовщичество, ведь, по меткому нашему выражению, “неправедная деньга – огонь”.

Богатые русские люди сознавали это столь же отчётливо, сколь и убогие. Предупреждая Божий гнев и людскую расплату, они заботились об убогих, жертвуя на богадельни и больницы, помогали бедным, строили храмы. Ведь над всеми довлело понимание, что богатство есть не столько имущество, сколько достоинство. А в слове **достояние** заключается уникальных архаический смысл: **достояти** значило ‘быть установленным свыше’ – от Бога, а не от людей.

И ещё одно представление содержало в себе понятие о богатстве. То, что земля, реки, леса, недра суть не чьё-то личное имущество, а только Божье, а значит, всем этим надлежит пользоваться не одному их владельцу, а всему народу. Так мирская земля принадлежала всей крестьянской общине, её наделы лишь временно отдавались земледельцам и постоянно переходили из рук в руки. Оттого и леса, в представлении народа, не могли быть собственностью одного человека, и нарубить дров или поохотиться в чужой роще не считалось воровством. Также Божьими считались реки и озера, где рыбная ловля принадлежала всем.

В этих архетипах мы, русские, живём по-прежнему. Мы, как и сто, и двести лет назад, считаем, что нажитые олигархами богатства несправедливы и рано или поздно подлежат переделу. Мы не признаём дележа земли, расхищения недр, присвоения лесов. Их захват чужаками русский народ под давлением родного языка рассматривает как временный, несправедливый и подлежащий отмене. Так что мечты о скорейшем обогащении, внушаемые молодому поколению русских, следует полагать тщетными и напрасными.

Столь же ложны новомодные представления о счастье как накоплении богатства, ведь и им противостоит русская картина мира, в которой счастье – всего лишь доля, удел человека в земной жизни. Слово **счастье** понимается нами как своя часть, которой наделяет нас Бог. По Его усмотрению мы удостоены – кто горем-злосчастьем, кто трудной судьбиной, кто страданием, а кто жизнью – разлили-малиной. Обо всём этом принято говорить: “Такое твоё счастье! Такая твоя судьба!”. Потому что “всякому своё счастье”, а “в чужое счастье не заедешь”. Ведь и судьба, по сути, не что иное, как **суд Бога**, Его решение о каждой человеческой душе, причём решение, осуществляемое в земной жизни человека. Вот почему говорится: “Счастье – мать, счастье – мачеха, счастье – бешеный волк”. Счастье порой уравнивается с удачей, талантом, успехом: “Не родись ни хорош, ни пригож, родись счастливым”. Но главное в этом слове всё то же – Божье дарование, которое от человека зависит лишь отчасти. А вот как заслужить счастье, богатство, как получить Божий дар в виде счастливой доли – здесь русская традиция имеет несколько важнейших решений.

Жертвоприношение как основа богатства

Заслужить счастливую долю, согласно русским представлениям о счастье, восходящим к древнейшим представлениям индоевропейцев, можно, прежде всего, тем, что ты делишься всем, что имеешь, с Высшими силами, которые тебе помогают в жизни. Добровольное отдание части своего богатства Богу именуется жертвой, и в этом славянском слове коренится исконный обряд жертвоприношения – слово **жертва** родственно словам жерло, горло, а глагол **жрети** (приносить жертву языческим богам) сопоставим с понятием **жрать**, пожирать. Перед нами сохранённые языком осколки древнего языческого обряда жертвоприношения, являвшегося, по сути, кормлением богов, и осуществлявшегося путём сжигания жертвы, которую пожирало пламя жертвенного костра. Подобный взгляд на жертвоприношение находим у большинства древних народов: древнеиндийское понятие о жертвоприношении “яджина”

(ср. русское **еда**) буквально означает “то, что подлежит съедению”, “пир” и “пищу богов”. Латинское слово *victim*, обозначающее жертву, происходит от *victis*, переводимого как “пища”. И у древних иудеев слово со значением жертва этимологически тождественно “пище”. Так что древняя жертва языческим богам — это пища, добытая человеком, отделяемая им в пользу Высших сил часть в благодарность за благодеяния и в залог будущих благ.

Слово **жертва** искони было сопряжено с молитвой, это слово восходит к корню *молить/молоть* и как раз означает отделение доли от цельного богатства ради жертвоприношения. В дальнейшем слова **молить** и **молитва** стали обозначать не только вещественные жертвы, но и слова с просьбой к богам о помощи и заступлении. Это древнейшее представление сохранилось во многих индоевропейских языках: в хеттском *maltaí*, в литовском *melsti*, армянском *maltem*. Первоначальное значение этого слова сохранилось в русских народных говорах по-прежнему в вещественных образах: **молят поросёнка** — жарят поросёнка к Рождеству. Здесь проступает явный ритуально-жертвенный смысл действия. А ещё **молят кашу** на поминках и называют **молитвой** именные пироги. Нечто подобное бывало в культуре Древнего Рима: латинский глагол *maclare* имеет два значения — ‘ритуально убивать’ и ‘восхвалять’, отражая тем самым два вида жертвоприношения — вещественное и словесное.

Ещё одно древнее славянское слово, обозначавшее жертвоприношение, — **треба**. Оно в своём исконном смысле сохранилось в обиходе православного христианства и, разложенное на составляющие индоевропейские корневые форманты — **тре-ба**, — буквально означает огонь Бога, или огонь для Бога — *ва-тра*. В русских словах **требовать**, **потребить**, **отребье** тоже просвечивает этот сокровенный смысл, поскольку все они, если вдуматься, хранят значения, связанные с божественным промыслом: высшего спроса в слове **требовать**, высшего предназначения в слове **потребить**, высшего отвержения в слове **отребье**.

Смысл жертвоприношения всех древних индоевропейских народов, и русского в том числе, издревле был один — умолиститвы высшие силы, просить у них помощи в делах, защиты от стихии и от врагов, и, разумеется, здоровья членам рода. Но не менее значимы были так называемые обеты, состоявшие из двух частей — торжественного обязательства языческим богам в обмен на дарованную ими безопасность и благодарности за помощь и заступление, выраженной в славословиях и в вещественных жертвах. Так, арабский хронист Ибн-Фадлан повествовал, что русские купцы, приезжая в дальние страны с товарами и распродав их, покупали хлеб, молоко, мясо и жертвовали их своему Богу-покровителю, объясняя эти действия так: “Владыка помог мне, и я должен ему заплатить”.

Конечно, христианство вытеснило жертвоприношения язычников, заменив их благодарственными молебнами, но народная традиция запечатлела древние обетные жертвы предков, приносимые деревьям в священных рощах, родникам и рекам, камням в облике человека или зверя, а то и просто громадному утёсу, невесть откуда взявшемуся посреди равнины. Сохранились и домашние жертвоприношения — очагу, обитателям дома и домашних строений — домовому, баннику, овинику. Их задабривали, с ними делились, что называется, куском хлеба. Особая жертва предусматривалась при постройке дома или храма, которые строились издревле “на чью-то голову”. И этот обычай тоже имел древнейшие языческие истоки.

Многое из этого забылось и застыло в суевериях, потерявших смысл даже для тех, кто их свято соблюдал. Ибо жертва Богу христианскому и святым Его стали главным истоком благополучия для русского народа, ведь к Господу Иисусу Христу, Божьей Матери, христианским святым были обращены наши молитвы и жертвы последнюю тысячу лет. Они приносились при болезни и бесплодии, эпидемии и падеже скота, стихийном бедствии или пожаре. И по слову псалмопевца, вместе с вещественным приношением жертвой Богу становилось покаяние — “дух сокрушен”. Однако некоторые языческие обычаи жертвоприношений были поглощены христианством и в нём бытуют по сей день ненарушимо и свято. Прочно сохранились поминальные жертвы предкам, приносимые на могилы в родительские дни, на Радоницу, в Троицкую неделю. Не менее устойчивы и приношения первых плодов, которые приносят в христианские храмы на Спасы, именуемые медовым, яблочным и хлебным, не менее важны жертвенные приношения на Илью, на Рождество

Богородицы и на Успение в благодарность за урожай. Молебнами и праздничными трапезами отмечают и начало сельских работ: сенокос празднуют на Петра и Павла, осеннюю пахоту – на Рождество Богородицы, рыбные ловли – на Спас Нерукотворный.

У многих жертвоприношений есть важная праздничная черта – совместная с Высшими силами трапеза тех, кто жертвует Богу своё богатство. А главная идея обряда – готовность отблагодарить Бога за помощь и восславить его за благодеяния не только словесным, но и вещественным образом. Эта идея приучала каждого думать о необходимости благодарить и делиться, что являет собой чисто человеческое свойство. Эта идея придавала высший смысл всем человеческим деяниям, иначе они превращались просто в скотское бытие, состоящее из примитивных рефлексов и инстинктов потребления. Совершавшие жертвоприношения наши предки свято верили, что благодарность Богу обеспечивает Его расположение к человеку, которое выражено в “благоприятствии воздушных” – благоприятных погодных условиях во все времена года, в обильном урожае хлеба, в приплоде скота, а главное, в рождении собственного здорового потомства, что обеспечивало продолжение рода и умножение народа.

Что же служило жертвой в славянских языческих тризнах? Пища, которой потчевали богов, была бескровной и кровной. Бескровная жертва – это жертвоприношение древнего славянина-земледельца, который отдавал языческим богам самые дорогие плоды своего труда – хлеб и мед. Всем известное **коливо** или **кутья** есть самое архаичное жертвоприношение. Эта крутая каша, в сущности разваренные зерна злаков, по сей день употребляется во всех семейных обрядах – на родинах-крестинах, на похоронах, на свадьбах. Названия каши в точности отражают две сущности этого жертвоприношения. Первое из них – **коливо** – свидетельствует о том, что каша была частью ритуала, скрепляющего общинные связи, ибо **коло** есть обережный круг, состоящий из сородичей и соседей. Второе название – **кутья** – имеет корнем изначальное **кут**, что значит дом, свой угол, и кутья оказывается ритуальным жертвоприношением домашнему божеству, скрепляющему семейные узы. Помимо этого, семейно-общинного ритуала, хлеб и кашу жертвовали “домашним демонам” – домовому, баннику и овииннику, оставляя куски в укромных углах, делились хлебом и с водяным, пуская ковриги по реке. Сегодня эти верования бытуют как суеверия. Но на селе остаётся обязательным принесение хлеба в церковь при начале полевых работ в Юрьев день, который знаменует почин страды земледельца.

Изрядно подзабыт, но ещё существует и обычай жертвоприношения мёда, который освящают в медовый Спас в церквях, а в старину первый мёд и воск от каждого улья пчеловоды бросали в реку, там же топили первый рой, отдавая эти в полном смысле слова сокровища земледельца в дар языческим богам. Мёд был со временем заменён вином в семейных ритуальных трапезах, где над ним произносились благословения новорождённому на родинах и крестинах, прощальные слова покойнику на поминальных обедах, величальные слова молодым на свадебных торжествах.

В более глубокую древность уходит своими корнями кровное жертвоприношение, оно есть память о древних охотниках и скотоводах, культура которых предшествовала появлению земледельческой. Кровное жертвоприношение искони представляло собой ритуальную трапезу-требу, на которой поедали заколотое и зажаренное целиком животное, при подаче на стол его не резали, а ломали руками. А перед разламыванием жертву непременно поднимали над головой, вознося к небу свидетельство дара богам. Бытовавшая в досоветское время в крестьянской среде жертва обязательно должна была быть поделена на три части. Одну из них по обычаю отдавали священнику, а в древности, очевидно, это была жертва языческим богам, предназначенная для сжигания на ритуальном костре. Другую часть жертвовали нищим, сиротам, больным, всем нуждающимся в пище. Третья часть шла на угощение приглашённым на трапезу устроителям. Жертвенное блюдо предписывалось гостям съедать целиком, а кости запрещалось выбрасывать. Их либо сжигали, либо бросали в воду, а то и гадали по ним о грядущей судьбе, ибо, по поверьям, они обладали магической способностью возрождать к жизни скот – движимое имущество древнего земледельца.

Дошёл до наших дней чётко установленный порядок кровного жертвоприношения, согласно которому крупный рогатый скот – быки и коровы – вся община

в складчину приносила в жертву великим святым Илье пророку, Петру и Павлу, Фролу и Лавру, Николе Чудотворцу, что заместили собой в житейской обрядности языческих богов, связанных с водной и небесной стихиями – Перуна и Дажь-Бога. На Рождество Христово, Новый год и Пасху в семейном кругу закалывали свинью или поросёнка, это животное издревле было символом Матери Земли, её плодородия и изобилия. Баранов же, овец и ягнят **молили**, то есть приносили в жертву накануне больших земледельческих работ – перед сенокосом, молотью и пахотой; овен с древнейших времен символизировал плоды дел человеческих рук.

Особая жертвенная роль – у домашней птицы, она предназначалась для молитвы о судьбе каждого человека. Так, белого петуха и белую курицу забивали при трудных родах или когда желали, чтобы родился сын или дочь. Чёрного петуха или чёрную курицу резали при болезни человека ради его исцеления. Петух и курица – жертвенная еда и на поминках. Чаше другой живности домашняя птица приносилась в жертву демонам дома и духам, оберегающим село, – кур резали при опахивании села во время мора, мельники отдавали курицу в жертву водяному.

Таинственным свидетельством перехода наших предков от кочевого образа жизни к оседлому является так называемая строительная жертва, предшествовавшая постройке дома и завершавшая её, а также сопровождавшая вселение в новый дом. Такая жертва обеспечивала, по мысли древнего человека, прочность дома, его долговечность, а главное – благополучие жильцов.

При закладке дома обычно жертвовали домашнюю птицу или скот, само животное или только его голову закапывали под фундаментом на входе или в красном углу. Старались, чтобы кровь жертвы окропила камни основания жилища. После исполнения языческого обряда отдавали дань христианству – читали “Отче наш”, кропили основу дома святой водой, вытряхивали на углы жар из кадила. Языческий обычай был стойким. Так, при раскопках Новгорода под основанием домов XI–XIV веков часто находят конские черепа, а при разборе старых обветшавших изб до сих пор обнаруживают собачьи или кошачьи скелеты. Этим жертвоприношением, а также положенными под углы монетами новосёлы в старину выкупали себе место для дома у Матери Сырой Земли. Полагали, что, если дом построен без жертвы, в нём будут болеть и умирать люди, а семью – преследовать несчастья.

Ещё большей древностью отзывается народное поверье, что дом строят *на чью-то голову*, то есть неизбежна скорая гибель одного из будущих жильцов, чаще всего – хозяйина или старшего члена семьи. Вероятно, это представление есть осколок древнейших человеческих жертвоприношений при поселении народа, пришедшего обживать новое место, осваивать неизведанные земли. Заклятье строительной жертвы произносил мастер-плотник, он при возведении стен трижды стучал обухом топора по матице и произносил заветные слова, обрекающие на гибель, к примеру, хозяина: “Стукаю я сволок у голову, щобы стукало у голову хозяйину, и до своего вику щоб вин не дожив”. Если же строитель был к хозяйину милостив, он мог заложить дом на голову прохожего или соседа. Если же благочестивый строитель не обрекал человека на смерть, то тогда полагали, что в доме обязательно умрёт тот, кто войдёт в него первым. Для того чтобы избежать смерти людей, в дом первым впускали петуха или кота, а затем в него заходили и хозяева. Иногда зажившиеся старики просили впустить их в дом первыми, чтобы умереть поскорее. А ещё, чтобы никто в доме не умер, в новом жилище старались оставить хоть что-то недостроенным, незавершённым, отдавая неизбежную расплату за новоселье.

Древняя традиция жертвоприношения сформировала у русских твёрдое убеждение, что за всё в жизни нужно благодарить Высшие силы и непременно дарить – делиться дарованными благами с неимущими. Совершенной формулой народного помысла о собственном благополучии является крестьянская молитва перед севом, произносимая на поле хлебопашцем: “Поддай, Господи, на нищую долю, на сиротскую долю, на долю птицам небесным и на своё семейство”. Эта дивная молитва открывает нам истоки широкой русской души, для которой “своё семейство” – последнее в ряду нищих, сирот и птиц небесных, накормленных милостью Господа и трудом хлебопашца. Способом наделять благами тех, кто в этом нуждается, является традиция русского дарения и русский ритуал приёма гостей.

Что лучше по-русски: давать взаймы или дарить?

Иноземцев всегда удивляла щедрость русского народа, его способность легко расставаться с нажитым. И нам действительно свойственно подсознательное убеждение, что давать и раздавать, не дорожа собственностью, гораздо лучше, чем брать и копить, о чём сложена старинная поговорка: “Беручи, рука не приберётся, а даючи – придаётся”. Причём народный обычай предписывал больше давать просто так или дарить, нежели давать взаймы с обязательным возвратом. Как бы ни показалось это нам сегодня удивительным, отдача взаймы чего бы то ни было в хозяйстве в народном представлении связана с большими опасениями нечаянно передать всё своё благосостояние и счастье в чужие руки. Потому существовали строгие запреты давать взаймы, к примеру, в начале полевых работ, не то не будет урожая. Нельзя было давать взаймы в день первого выгона скота – могла отощать животины. Возбранялось давать взаймы в день первой дойки молока – у коровы могло пропасть молоко. Не давали в долг в день отёла – был риск потерять телёнка. Категорически ничего не одалживали в день рождения ребёнка, чтобы он не скитался по чужим домам. Нельзя было давать взаймы в день отправки хозяина дома в дальнюю дорогу – это помешало бы ему благополучно вернуться домой. Не одалживали в большие праздники, особенно в Сочельник, Рождество и в Новый год, иначе весь год просидишь в долгах. Запрещалось давать в долг на молодом месяце и после захода солнца, чтобы из дома не ушёл достаток. Подобная регламентация сводила возможность давать взаймы к очень ограниченному сроком действия.

К тому же не всякий человек мог давать в долг. Так, не имела права одалживать беременная женщина, чтобы её ребёнок не вырос бедняком. Самой же беременной обычай предписывал давать всё, что она ни попросит, ибо, если не дать, то это всё равно пропадёт. Не могли ничего давать в долг из дома, где был покойник, так как вместе с вещами можно было случайно передать и смерть. И в дом покойника строго запрещалось давать взаймы, поскольку возврат вещей мог сопровождаться и передачей смерти. Вот откуда родом странное обыкновение стариков готовить себе смертное одеяние, гроб и деньги на поминки, чтобы родные похоронили с честью. Ведь близкие не смогли бы одолжить на похороны ни вещей, ни денег, им просто этого никто бы не дал.

Опасность давать в долг и предубеждение против этого были тем более велики, что существовал ряд вещей, которые вообще нельзя было одалживать. Запрещено было давать взаймы огонь, хлеб и соль. Если же была в том великая нужда и трудно было отказать доброму соседу в его лишениях, то хлеб просто дарили, а соль требовали вернуть на следующий же день. Что же касается огня, то в нём отказывали наотрез. И это древнее правило столь глубоко в нас укоренено, что по сей день запрещается давать взаймы из дома даже спички как символ огня. Вот почему домашний огонь так бережно хранили в каждой печи, не позволяя ему затухнуть. Угли после топки очага сгребали на загнеток и держали там тлеющими, чтобы в любую минуту раздуть из них пламя в печи. Ведь в отношении огня на соседей надежды не было: как ни дружелюбны были они, в огне непременно откажут, ибо с огнём из дома могут уйти благополучие и достаток.

Осторожность предписывалась при одалживании денег и орудий труда, а также соли, если ею предполагалось пользоваться совместно с чужими людьми во время совместной трапезы на работе. Все эти вещи нельзя было отдавать из рук в руки, а следовало передавать при помощи полотна: серп, нож, топор клали на землю на расстеленное полотно. Деньги же и соль вообще носили всегда завязанными в тряпицу, в узелок, чтобы в любой момент соблазна обережный ритуал, положив их на землю или на стол, развязывали свой узелок и предлагали взять необходимое.

Так что предвзятое отношение к жизни взаймы заложено в нас, русских, изначально, как и презрительное отношение к возмещению долга с прибылью для заёмодавца. Надо отдать справедливость, отказ от ссудного процента был характерной чертой не только славян, но и германцев, о чём свидетельствует древнегреческий историк Тацит. Вот почему в русской среде не был распространён промысел ростовщичества, который в нашем национальном восприятии является средством потерять, а не приобрести. Даже если проценты были значительны, и ростовщик приобретал капитал, он, согласно русскому убеждению,

не добывал себе счастья. Современное повеление жизни в кредит, навязанное нашему населению агрессивной банковской рекламой, только убеждает людей, сохраняющих национальную картину мира в своих головах, что в долг жить пагубно и разорительно и для дающего, и для берущего.

Но как расположить к себе судьбу и умиловить Бога, чтобы обрести достаток? Для этого в русской традиции есть одно проверенное средство — надо больше дарить и в ответ получать подарки.

Вот это ещё один парадокс русской психологии, удивляющий наших европейских и азиатских соседей, — готовность дарить и одаривать, наделять дарами, причём не грошовыми, не пустяковыми, а полезными и памятными. В отличие от дачи взаймы, русские воспринимают дар не как потерю имущества, а как залог неминуемой будущей прибыли. Вот откуда стремление дарить даже у русских купцов и торговцев. Так сложилась традиция первого покупателя, которому продавец отдавал товар даром или “с походом”, докладывая к купленному излишек. При этом торговцы старались одаривать беременных или многодетных матерей, видя в этом прибыль и собственной торговле. Ещё один обычай свидетельствует о священной роли дара у русских. При торговле скотом на Русском Севере, если у заводчика животина переставала плодиться, значит, покупатели похитили счастье скота, и тогда заводчику требовалось непременно от всего сердца подарить хотя бы одну овцу или тёлку кому-нибудь из нуждающихся. Дар у русских рассматривался как жертвоприношение. Только так можно было вернуть утраченное счастье в свой промысел. Первые плоды всякого труда русские старались дарить. Фрукты, мёд, хлеб жертвовали в церковь — нищим и сиротам. Женщины к церковному алтарю приносили масло, клали спрядённую шерсть или лён. Рыбаки первым уловом одаривали одиноких и немощных, чтобы рыба лучше ловилась. Охотник делился добычей с соседями, чтобы была удача в зверином промысле.

Дар по-русски — не просто перемещение вещей, смена их владельца, это ритуальная передача полезных предметов от одного человека к другому с целью наделяния обоих богатой долей, счастливой судьбой, потому чаще всего в русской жизни мы встречаем обмен дарами.

Что же дарили друг другу русские? Хлеб во всех его обличьях — зерно, муку, кашу, пироги и караваи. И по сей день мы покупаем в гости торты и пирожные, не стесняемся и сами печь пироги и носить их в люди. Другим ценнейшим подарком являются плоды скотоводства — мясные яства — колбаса, ветчина, жареная птица, сало. И, наконец, важнейший дар у русских — это полотно во всех его образцах — не только куски ткани, но и полотно, платки, скатерти, сшитая из полотна одежда. Дарение полотна — глубоко вросший в наш обиход обычай, о чём знает каждая русская женщина, с необъяснимой радостью дарящая и принимающая в подарок постельное бельё, рушники, покрывала, нарядную и самую простую одежду, даже не подозревая, что она следует многотысячелетней традиции наделяния человека счастьем.

Ещё одна прочно священная в нашем быту традиция — это раздача подарков в праздники. Мы свято блюдем старинный ритуал, наделяя детей и близких подарками на Новый год. А в Рождество и Пасху непременно раздаём всем окружающим нас людям яйца, куски кулича, детям — конфеты и другие сладости, и зачастую не ведаем, что это древняя традиция одаривания членов рода счастливой и сытной долей.

Все основные моменты жизни русского человека тоже обязательно сопровождаются дарами, обещающими ему благополучие. Новорождённого одаривают все, кто приходит навестить роженицу, этот ритуал так и называется: “подарить ребёнка”. Гости приносят ему и матери хлеб, пироги, мясо, деньги и ложку — “на зубок” или “на кашу”. Этот обычай русские сберегают по сей день. Свадьба сопровождалась одариванием. И это были не только свадебные дары гостей жениху и невесте, бытующие до сего дня в России, но и взаимные дары от жениха семье невесты, а от невесты — семье жениха. Каждый шаг свадебного ритуала сопровождается щедрыми подарками. Обязательно дарили подарки и на похоронах. Здесь раздавали коливо, кашу, милостыню, чтобы все пришедшие взяли на себя часть грехов покойного. Часто раздаривали бедным одежду умершего, чтобы, надевая её, поминали покойного. И эта традиция покуда сохранена. Разумеется, эти дары, взамен которых люди получали либо ответные подарки, либо угощение и благодарность, есть истинное жертвоприношение, ценой которого русский человек надеялся получить добрую судьбу и счастье. А ныне наше стремление дарить подарки стало национальной

чертой характера, презирающего жадин, скряг, скаред и жидомороз. Этих качеств в себе люди у нас стыдятся, скрывают их как срамную болезнь.

Русская щедрость как национальная черта проявляется в угощении — особом виде дарения, принятом в нашем быту и сохраняющемся неприкосновенным обычаем в большинстве русских семей. Мы воспринимаем гостевание как определённый ритуал, к которому необходимо готовиться и готовить. Стало быть, и сейчас в нас живы отголоски древнего восприятия гостя как посланца богов, приносящего с собой дары и получающего в ответ радушный приём и угощение, которое, как видно из родства корней **гость** и **угощение**, предназначено именно гостю. Если же взглядеться в слово **гость** с точки зрения его истонного смысла, то окажется, что в нём присутствуют два корня: **го-**, обозначающий движение (ср. английское go- ходить), и **ст-**, обозначающий стояние. То есть гость — это буквально пришелец, остановившийся в твоём доме. Вспомним, что в латинском языке сходное слово *hostis* означало сначала “гость” и лишь много позже “чужой” и “враг”. А славянский мир никогда не передельвал гостя во врага. Он воспринимал гостя как чужака, и вот этого-то чужака и требовалось ублажить, угостить, надеть добром, тогда он будет к тебе благосклонен и одарит в благодарность счастьем. Именно поэтому тысячи лет русские соблюдают одни и те же правила приёма гостей. Первое, что должен сделать хозяин, — это выразить свою радость по поводу прихода гостя, затем спросить о здоровье семьи и осведомиться, как гость добрался, даже если он пришёл из соседнего дома. В ответ гостю полагалось и полагается до сих пор поприветствовать хозяев, сообщить им о цели визита, даже если эта цель всем хорошо известна, обменяться с хозяином рукопожатиями или поцелуями. Затем гостя приглашают сесть, от чего он не вправе отказываться, поскольку стоящий гость опасен, он, согласно поверью, может отнять сон у детей. Мы, конечно, давно позабыли об этом поверье, но гостя спешим усадить сразу же после его прихода, тем более что он, оказываясь, истари не имеет права обходить самостоятельно дом и хозяйство.

У хозяина и у гостя, как подсказывает этнография, есть чёткие обязательства, которые редко кто дерзает нарушать, ведь это может повлечь за собой несчастья и рознь. Так, гость не имеет права разговаривать с женщинами наедине, не может интересоваться, кто кому в семье кем доводится, гостя не допускают к домашнему очагу, ему запрещено интересоваться приготовлением пищи. Но самое главное — гость не может отказаться от выставленного угощения, ибо тем не только оскорбляет хозяев, но создаёт угрозу благополучию всего хозяйства. И в застолье у гостя есть важнейшая обязанность — он должен произносить здравицы и благопожелания семье и дому, дарить подарки детям. В этом последнем и есть основная роль гостя, ведь он посланец судьбы и должен приносить в дом только радость и счастливую долю. А хозяева в ответном даре обязаны предоставить гостю ночлег, приготовить угощение и непременно принуждать гостя к еде, а ещё подарить гостю всё, что ему понравится. Вдумайтесь, разве мы сегодня не поступаем точно так же, настоячиво уговаривая: “Ешьте, гости дорогие!” И значит, живы в нас эти древние обычаи, подспудно, в глубине души, дороги нам обряды приёма гостей, и если нас в гостях принимают нерадушно, неправильно, скудно угощают, не угощают попробовать разносолы, мы обижаемся на таких хозяев и забываем дорогу в их дом. Так что угощение в русской традиции есть обряд дарения, ублажения гостей — посланцев Высших Сил, — чтобы получить ответную благосклонность судьбы. В этом дарообмене отчётливо видится то, что мы в обычной жизни называем платой.

Плата и полотно — неслучайные совпадения

Согласно древнейшим представлениям, человек рождался обременённым долгом — долгом Высшим силам, приведшим его в этот мир. Эта мысль ясно выражена в бытующей по сей день русской поговорке: “За всё в жизни надо платить”. Есть и более подробный расклад оплаты человеческого долга Богу: “Родись — плати, женись — плати, умирай — и то плати”. И это вовсе не упрёк алчности священников или родственников, ожидающих оплаты и благодарности за помощь. Нет, это утверждение порядка вещей, принятого человечеством и осмысленного по-русски словом **долг**.

Мы полагаем, что древнейшие представления индоевропейцев строго разделяли в жертвоприношении пищу богам, состоящую из съестных даров,

и плату богам, которой являлось, как это ни покажется странным, полотно – древнейшее изобретение человечества, отличающее людей от зверей тем, что человек научился одевать себя одеждой. Вдумаемся в слово **одежда**, которое имеет связь с древним глаголом **де-ти**, что значит ‘спрятать, скрыть, сохранить в безопасности’. Сравните наш обыденный вопрос: “Куда ты дел?..” Вспомните и слово **надежда**, так похожее на одежду: ведь как одежда – покров телу, так надежда – покров души, залог её сохранения и спокойствия. Уместно также упомянуть слово **дежа**, которое означает старинную кадку для закваски теста, всходившего в тишине и скрытности от чужих глаз. Исстари одежда отличала человека от животного, а полотно – это тканый из льна, конопля, хлопка, шерсти, шёлка материал для её изготовления.

Изобретение ткачества уходит в глубины тысячелетий, причём аналогов ткани с её перекрёстным переплетением нитей в природе нет, чтобы можно было думать, что человек подсмотрел идею в природных материалах или явлениях. И, вероятнее всего, ткачество рассматривалось людьми как дар Богов, который позволял человеку осознавать себя человеком. При взгляде на ткацкий стан самого простого устройства – кросна, – с которыми управлялась каждая женщина в каждом русском деревенском доме, понимаешь, насколько сложным и одновременно гениально умным было инженерное решение изобретателя ткацкого стана. Всё в нём отзывается глубокой древностью, в которой ещё не было металла, а одно только дерево. Все операции производились вручную, и с ними связаны слова очень древние, отражающие предназначение деталей производства. **Кросна** – особое техническое устройство для пересечения нитей, составляющих полотно; в этом слове слышится древний корень **крес-**, означающий расцвет жизни, творческий акт жизнестойкости. **Ткать** – это буквально тыкать, притыкать поперечные нити утка к продольным нитям основы (сравним латинское название ткани с тем же индоевропейским корнем – *texes, Textile*). **Основа** – продольные нити, которыми “снуют”, то есть основывают будущую ткань, создают **новое** полотно. **Уток** – это палка, которая притыкает поперечные нити к продольным, **бердо** – особое устройство, похожее на двусторонний гребень, которое раз-**бир**-ает пук ниток на отдельные нити, распределяет их, формируя плоскость основы полотна. **Мотовило** – сложное древнее слово, в котором явственно читаются два корня – мото- (мотать) и ви- (вить, навивать), – то есть перед нами в рамках одного слова описание процесса подготовки основы ткани: для намотки и навивания нитей и служит мотовило.

А взглянем на славянское слово **полотно** или **платно**. В нём звучит древний индоевропейский корень **pl-*, обозначающий полноту и наполнение, откуда возникли понятия плоть и плотность. Полотно, как и платно, как и плат с полотенцем, а также полсть, плащ, платье, являлись сокровищем, которым человек обязывался заплатить богам с рождения до смерти за свой статус человека. Не случайно славянские слова **плат** и **плата** соотносятся этимологами с готским словом *blōtan* – “почитать” и с древневерхнемецким *blōzen, rībzān* – “приносить в жертву”. И доказательством этому служит множество примеров использования полотна как предмета жертвоприношения. Именно в такой роли используются полотенца, украшающие божницу в храмах и красные углах домов, полотном-скатертью застилают стол для праздничной трапезы, которая тоже рассматривается как жертвоприношение. На полотенце выносят гостям хлеб-соль, ведь гость – посланец Бога, а хлеб-соль – жертва Богу. Полотно крестьянки оставляли у источников в благодарность за исцеление, следуя языческим суевериям, полотном у реки в глухую древность задабривали русалок, кикимору и водяного, вешали кусочки ткани на деревьях в священных рощах, почитая духов деревьев. Полотном благодарили Параскеву Пятницу, оставляя куски ткани и нитки “матушке Параскеве на чулочки” у алтаря церкви. Задабривали холстом домового, относили полотно “матушке весне” на льняное поле.

Особая роль была у обыденного полотна – его ткали в один день по обету. Во времена эпидемий и моровых поветрий обыденное полотенце ткали в течение суток, начиная со сбора льна для пряжи со всех жителей деревни и кончая вышивкой обережного узора на нём. С таким полотенцем обходили село, вешали его на местную икону или на придорожный крест, желая прекратить или предотвратить напасть.

Полотно являлось необходимейшей частью обрядов при переходах человека из одной поры жизни в другую. Вот откуда родилась поговорка:

“Родись — плати, женись — плати, умирай — плати”. Роженица рожала ребёнка на особом семейном полотне, предназначенном только для появления на свет младенцев в этой семье. Повитуха принимала младенца и на полотне обносила вокруг стола, говоря, что идёт в рай: такой обещали младенцу его будущую жизнь. Гости, прибывшие провести родильницу, приносили ей в подарок полотно, подарки новорождённому и деньги тоже заворачивали в полотно — “на зубок”, и особо крёстная мать дарила полотно младенцу — из этого куска шили потом малышу рубашечку.

И свадьба как переход во взрослую жизнь и в брачное состояние не обходилась без полотна. Молодых ставили на полотно перед входом в родительский дом, при венчании в церкви. Полотном связывали молодожёнам руки. На полотно гости клали деньги в подарок новобрачным, полотно особо дарили невесте.

Разумеется, похоронному обряду тоже сопутствовало полотно. В каждом доме было особое семейное смертное покрывало, которым накрывали умершего, покойника для погребения заворачивали в полотно или саван, гроб тоже покрывали полотном. Полотняной дорожкой выстилали путь из дома, отправляясь на погост. Первому встречному на пути похоронной процессии дарили завернутые в полотно хлеб или деньги, гроб в могилу опускали на длинных полотенцах. Так обставляли переход человека на тот свет — полотно было залогом благополучия этого дальнего путешествия.

Всё новое, что принимал человек в этой жизни, обрамлялось полотном как платой за полученные блага. Первый сноп покрывали полотном, первый хлеб выносили на полотно, в новый дом хозяева входили по полотну, полностью оправдывая поговорку о том, что за всё в жизни надо платить.

Чаще всего плата Высшим Силам за человеческую жизнь, являвшаяся благодаря этому оберегом человека, представляла в виде полотенца или платка, наиболее употребляемых в русском народном быту. Именно полотенцем украшали не только иконы и кресты, но и окна, ворота, шесты во время праздников. В подарки для крестин и родин ткали именно полотенца, их особым образом вышивали обережными узорами. И на свадьбе дружка, обвязанный полотенцем, выводил к жениху невесту тоже за полотенце; в доме жениха её обводили вокруг стола, держа за полотенце; после брачной ночи муж выводил жену из светлицы за полотенце. Из полотенца делали свадебное знамя и носили по деревне как знак состоявшейся свадьбы. Полотно на свадьбу чаще всего дарили невесте именно в виде полотенца.

Похороны тоже не обходились без полотенца. Именно на полотенцах до сих пор несут гроб на кладбище и опускают в могилу. Прежде эти полотенца получали в дар могильщики. После смерти человека полотенце в доме вешали к иконам и держали там сорок дней. Считалось, что в это время душа могла там сохраниться, а через сорок дней хозяйка снимала похоронное полотенце с икон, махала им с порога во двор и приговаривала: “Ну, всё, душенька, иди к Богу”. Само полотенце относили на кладбище и повязывали на могильный крест.

Другая ипостась полотна — платок — необходимейший покров женщины, которой никуда нельзя было выйти без платка. Слово **опростоволоситься** отражает древнее установление, по которому замужняя женщина должна была покрывать голову, без платка она считалась всё равно что голой. Снять платок с головы женщины означало позор и несчастье для всей её семьи, ибо никто, кроме мужа, не должен был видеть её волос. Девушкам разрешалось не носить платка, но они обвязывали голову особой узорной тканой лентой, которая называлась девичьей красотой. Древнейший женский платок имел форму полотенца, им обвивали голову, затем покрывали её маленькой шапочкой, именуемой повойником, то есть головным убором, надеваемым после навития полотенца-платка.

Платку почёт и внимание оказывали на свадьбе. Невеста дарила платок жениху в знак любви и верности, она вручала платки гостям, сама же новобрачная весь свадебный пир сидела за столом, закрыв лицо платком, и поднимая его лишь для того, чтобы есть или принимать подарки. Девушки обычно носили красные или белые платки. Женщины рядились в узорчатые платки. А чёрный или тёмный платок был символом семейного траура, его надевали на похороны. Такие платки носили также старухи.

Создательницей полотна в каждой крестьянской семье была женщина. Ещё в детстве мать обучала дочерей прясть и ткать. За прялку девочку сажали

а семи лет, а за ткацкий стан — с четырьмядцати. Девушка на выданье должна была сама себе приготовить приданое — наткать вдоволь полотна для свадьбы и на начало семейной жизни. Непряху-неткаху никто замуж брать не хотел — семья тогда будет ходить оборванной. Для прядения и ткачества у русских крестьянок было отведено особое время: пряли весь Рождественский пост, а ткали весь Великий пост. То была полотняная страда русской женщины.

Собранные воедино эти обычаи, связанные с использованием полотна, полотенца, платка, свидетельствуют о том, что ткань была неременным спутником человека в главные моменты его жизни, что полотно действительно являлось формой платы, как об этом говорит сходство корней этих, казалось бы, совершенно не сходных по смыслу слов. Так что исконно плата на Руси не была связана с одним только хозяйствованием и торгово-денежными отношениями. Плата оказывалась формой возмещения человеком долга Высшим Силам, даровавшим ему жизнь и благополучие.

Покупать и купать — исконное родство

Мы не задумываемся сегодня, насколько прочно сидят в нашей голове древнейшие представления об обществе, о его разделении на сословия, классы, общественные слои, которые образовывались и образуются по сей день благодаря тому, что люди выбирают себе занятия согласно семейным традициям и собственным стремлениям, а те, в свою очередь, определяются наследственной предрасположенностью. В русском народе, к примеру, искони существовали земледельцы (смерды, крестьяне) — кормильцы народа, воины (дружинники, стрельцы, служилые дворяне) — защитники народа, жрецы (волхвы, священники) — хранители духа и нравственности народа. По необходимости являлись в народе ремесленники (кузнецы, зодчие, художники, портные) — создатели материальной культуры народа и, наконец, торговцы (купцы, лавочники, приказчики), создававшие условия для обмена плодов труда земледельцев и ремесленников и доставку их всем сословиям, кто в том нуждался.

А это и есть древнейшее устройство индоевропейского общества. В нем два слоя, класса, сословия, как хотите их называйте, — само тело народа: земледельцы и воины, третий слой — жрецы — его голова, а ремесленники и торговцы — вторичный нарост, те, кто создаёт красоту и удобства жизни голове и телу народа. Без кормильцев и защитников, без духовного водительства не проживёт ни один народ, рассыплется любое государство. А ремесленники и торговцы — без них, на худой конец, можно обойтись. И обходились. В XIII веке в Киевской Руси в результате монголо-татарского нашествия торговля и ремесло исчезли из разорённых городов. Ремесленники были уведены в полон, купцы двинулись искать безопасных мест для торговли, но народ сохранился, потому что три сословия продолжали жить и служить службу на благо всех. Подобное общественное деление было свойственно не одним только русичам. В древней Индии арии разделяли своё общество на касты: брахманы-жрецы составляли духовную основу общества, кшатрии-воины были его защитниками, вайшья-земледельцы — кормильцами. Ещё один класс — шудра, что значит 'слуги', — составлял касту, обслуживавшую три основных класса общества.

Ту же картину мы наблюдаем и в Древней Персии, и в Античной Греции, и в Риме. Везде, где арийцы строили свои государства, они сохраняли исконную сословную систему, в которой, несмотря на высокую развитость культуры, не находилось места торговцам как особому сословию или касте, словно бы таковые и не обитали в арийской среде.

Действительно, исследования историков и лингвистов свидетельствуют, что слова, обозначающие куплю-продажу, торговлю, продавцов, цену и оплату, оказываются во всех индоевропейских языках словно собранными из разных сфер — они очень поздние и своеобразные. И всё потому, что индоевропейские народы приспособляли их к понятиям торговли значительно позднее, чем они появились на свет. Да и само слово, обозначавшее обмен товаров на деньги, в индоевропейских языках выглядит очень безлико, оно буквально означает "делать дело".

Заметим, что и слова **покупать, продавать, платить**, а также слово **цена** изначально не имели к торговле никакого отношения. Плата рождена понятием **полотно** и связана с древним обычаем жертвоприношения. Такой обычай, очевидно, был свойствен и древним германцам. Английское *sell* (продавать) происходит из готского *saljan*, что исконно тоже означает "приносить жертву".

Понятия **покупать** и **платить** характеризовали у индоевропейцев разные виды жертвоприношений. Это чётко прослеживается в славянских языках, особенно в русском. Так что же такое **покупать** и связано ли это слово с известным всем глаголом **купать**, обозначающим омовение?

Слово **купить** действительно родственно глаголу **купать**, их родство имеет культурную и религиозную предисторию. По утверждению Тацита, германцы и славяне в древности имели обычай освобождать из плена своих соплеменников, бескорыстно даруя им свободу и уплачивая за них цену, так что бывшие пленники становились свободными людьми, поскольку рабства у славян и германцев не существовало. Это действие у греков, германцев и славян называлось одинаково: слово общего корня – греческое koufidzo, готское каурп, славянское **купити**, исконно означали освобождение из рабства, из плена. Подобный выкуп сопровождался ритуальным омовением – купанием или искуплением, символизировавшим очищение человека от рабского состояния. Вот почему **купить** и **купать** – слова одного корня, они означали тесно взаимосвязанные действия, следующие одно за другим при освобождении рабов и пленников. Сам же ритуал освобождения из плена и рабства мог по-славянски называться **искуплением**. Слова с корнем **куп-**, таким образом, являлись знаком освобождения и одновременно очищения, в языческие времена это были взаимосвязанные действия, включавшие жертвоприношение-выкуп и омовение человека с целью очищения от всего плохого, что с ним произошло. Об этом свидетельствуют современные фрагменты древних представлений: младенца, как известно, у нас не моют, а именно купают, очищая от слеза и порчи; в реках и морях мы тоже не моемся, а купаемся, потому что в древности это разрешалось в строго определённые дни именно для ритуального очищения человека. В день летнего солнцестояния славяне поклонялись божеству Купале, и именно в его праздник язычникам полагалось окунаться в природные источники для ежегодного получения здоровья и очищения от болезней. Таким образом, родство слов **купить** и **купать** обусловлено тем, что славяне-язычники **выкупали** своих соплеменников рабов ради их освобождения и одновременно **купали** их с целью очищения от унижительного для свободного человека рабского состояния.

Данное предположение подтверждается тем, что слово **искупление** стало у славян христианским религиозным термином, который означал освобождение от плена грехов. Жертва Господа Иисуса Христа была поименована искуплением всего человечества из рабства смерти, делая славянам понятным подвиг Господа через сравнение его действий с действиями славянина, бескорыстно освобождающего своего соплеменника от рабского плена. Параллель эта последовательно проводилась славянскими миссионерами, поскольку Иоанн Предтеча был назван ими Иваном Купалой, и день его памяти совпал с днём летнего солнцестояния. Логика культурных параллелей подсказывала новокрещённому славянскому народу, что Иоанн Предтеча очищал людей от грехов водой, как издревле Купала законоположил его предкам. Чан для крещения стал называться купелью, что напрямую связывалось с языческим обычаем очищения водой от всего дурного. Так, в христианской Руси было установлено, что слова с корнем **куп-** обозначают, во-первых, жертвоприношение и религиозный подвиг (искупить), во-вторых, очищение и омовение (купать), в-третьих, приобретение чего-либо ценного, – а что может быть ценнее человеческой жизни! – за плату (купить).

Не связано изначально с торговлей и слово **цена**, которое настолько привычно употребляется нами в значении стоимости товара, что выражения *цена жизни*, *цена крови*, *получить дорогой ценой* мы воспринимаем как метафорические и вторичные при исходном значении слова **цена** – ‘стоимость, денежное выражение стоимости’. Однако, как раз наоборот, ‘денежное выражение стоимости товара’ – это новейшее значение слова **цена**, которое на самом деле исконно означало жертву, возмещающую преступление. Слово это имеет исконный корень **кай-**, который в чистом виде наблюдаем в таком же слове в литовском языке: *kaina* – ‘цена’; в санскрите: *cauate* – ‘платить, наказывать’; в авестийском: *kaena* – ‘мщение, наказание’. Тот же корень **кай-** лингвисты находят и в греческом – *poine*, и в латыни – *roepa*, причём эти слова имеют общее значение ‘цена, которую платят, чтобы загладить преступление’.

Но почему именно индоевропейский корень **кай-** выступает в значении наказания платой, денежным возмещением? Это связано, прежде всего, с тем,

что индоевропейские языки исконо содержат понятия духовного свойства, отражающие состояние души человека, который в чём-либо провинился. Сам древний индоевропейский корень **кой-/кай-**, согласно исследованиям Н. Д. Андреева, обозначал состояния перехода, как физического, так и духовного. Переход физический – от бодрствования ко сну, от возбуждения к успокоению, к примеру, – отражён рядом русских слов – **покой**, **почить** и **почивать**, **упокоиться**, **койка**, **спокойствие**. Переход нравственный – от тревоги к утешению, от угрызений совести к внутреннему умиротворению – воплощён в таких словах, как **каяться**, **покаяние**, **цена** (кайна). Тот же корень мы можем вычленить в слове **чистый** (кай-ст), то есть буквально окончательно избавленный от угрызений совести и тревог благодаря покаянию.

Сам же ритуал покаяния в дохристианскую эпоху существовал, если опираться на значения родственных слов с корнем **кай-**, у всех индоевропейских народов. Этот ритуал выводил душу человека из греховного состояния нераскаявшегося преступника и возвращал в спокойствие совести и духа. Если опираться на данные русского языка и его диалектов, то вот какая вырисовывается картина. Человека, совершившего преступление, называли **окаянным**, что значило ‘подлежащим ритуалу покаяния’, причём он неизбежно находился в состоянии **неприкаянности**. Вспомним, что до сих пор в русском языке существует выражение **ходить, как неприкаянный**, то есть мыкаться, не находя себе места от угрызений совести. Само ритуальное действие покаяния именовалось **каета** или **кайка**. Оно, по-видимому, включало в себя признание в преступлении в присутствии жрецов и общины и возмещение своей вины жертвоприношением, которое именовалось **кайна**, а в современном звучании – **цена**. Если же преступление было слишком серьёзным, за него полагалась **казнь**. Слово это в древности звучало как **каязнь** и означало человеческое жертвоприношение, а именно возмещение вины кровью преступника. Есть основания предполагать, что в древний языческий ритуал покаяния входил обряд искупления – очищения от вины водой, в которую окунали раскаявшегося. Всё действие в целом называлось **покаянием**, ибо результатом его было изъятие преступника из состояния смятения и волнения духа и приведение его души в умиротворение и успокоение.

Перед нами языческая предтеча христианской исповеди, которая включала рассказ виновного о своих грехах и получение епитимии, то есть наказания, а также отлучение от причастия в случае, если грехи слишком тяжки. Это таинство христианской церкви тоже называется покаянием, хотя греческий язык Евангелия содержал иное слово – *metanoia*, что означало ‘перемена мысли’. Однако слово **покаяние**, перемещённое из языческого контекста в христианский, в славянской картине мира гораздо сильнее воздействовало на душу человека, чем греческая ‘перемена мысли’. За грех, за вину, за преступление, согласно славяно-русским представлениям, надо было не просто измениться в мыслях, но принести покаяние, то есть прилюдно исповедать грех, заплатить **цену**, чтобы искупить вину.

Вот и получается, что термины, сохранившиеся в русском языке как торговые – **цена** и **выкуп** – в древности были словами языческого ритуала покаяния и не имели к торговле никакого отношения.

Не в деньгах счастье

В нынешнее меркантильное время, когда деньги становятся смыслом человеческого бытия, а сытость и достаток – синонимами счастья, важно понимать, что это слом наших национальных устоев. В русском народном обиходе деньги никогда не составляли основу и смысл жизни. Традиционное представление русских о деньгах совсем иное. Исконный натуральный обмен продуктами в Древней Руси отводил платёжным средствам единственную роль расчёта общины со своим князем в выплатах дани и виры (штрафов за преступления членов общины). Таким платёжным средством на Руси долгое время служили куны – шкурки куниц и белок, соболей и лисиц. Монеты же в золоте и серебре ходили завозные – арабские, греческие, изредка для престижа чеканили княжеское ‘злато’ и ‘сребро’ – при Ярославе Мудром, Владимире Мономахе, Мстиславе Храбром. Если же в государстве появлялась необходимость крупных расчётов – платежей дружине за службу, покупки дорогих заморских товаров – использовали **гривны** – золотые и серебряные пластины, украшавшие шею, в старину именовавшуюся **гривой**. Точно

так же латинский корень *monet-*, означавший шею, породил польское название “монета” и английское *money* – ‘деньги’.

Для более мелких платежей от гривны отрубали куски – **рубли**. Рубли тоже могли мельчить, отрезая потребную часть драгоценного металла, так появились “**резаны**”. Стоимость этих платёжных средств была весьма высока. Согласно “Русской Правде”, гривной можно было расплатиться, чтобы избежать наказания за убийство человека. И всё же деньги, даже при такой их высокой платёжной способности, не являлись для русского человека жизненной необходимостью, без которой невозможно выжить. На своей земле, в своём доме, в родной семье и общине без денег могли обходиться годами.

Сам подбор слов, обозначавших средства платежа на Руси, случаен и многолик. В них сквозит явный оттенок пренебрежения. *Рубль* – это же обрубок, кусок металла; *копейка* – монета с изображением Георгия Победоносца с копьём; *алтын* – случайно занесённый к нам татарский “золотой”; *грош* – полупрезрительное заимствование названия польской монеты. Дальше пошли *полушки*, *гривенники*, *червонцы*, *целковые*, *пятаки*... Не осели в русском языке даже евангельские названия денег – *динарий*, *лепта*. Не привились ни арабский дирхем, ни немецкий талер, породивший сегодняшний доллар. Пренебрежительное отношение к деньгам сохранилось в корневом русском народе по сию пору, несмотря на её ярко выраженный торгашеский, расчётливый характер. Рубль мы насмешливо называем “деревянным”, да и доллар не привечаем – он для нас “зелень”, “капуста”, “бакс”. Слова эти лишь подтверждают, что у народа русского нет ни грана уважения нынешнему фетишу российского бытия.

Слово *деньги* – тюркское наименование мелкой серебряной монеты – впервые зафиксированное в русском языке в XIV веке в Договорной грамоте князя Дмитрия Донского, становится общим наименованием платёжных средств лишь в XVI–XVII веках. Конечно, словесное пренебрежение к деньгам совсем не означало, что денег сторонились и избегали. Просто деньги изначально представляли собой в русской картине мира не экономическое, а особое символическое явление, заменив собой жертвоприношение в виде полотна, хлеба и мёда.

Деньги были и по-прежнему остаются обязательным знаком выкупа своего счастья и судьбы на всём протяжении человеческой жизни. С серебряной монетой купают новорождённого, выкупая ему здоровье и счастливую долю у Высших Сил. Жених выкупает себе невесту, выплачивая друзьям и подружкам положенное “вено”, обеспечивая себе добрую судьбу. Под углы строящегося дома обязательно кладут серебряные монеты (“если медно – будет бедно”) – так у Матери Сырой Земли выкупается место для жизни семьи. Символический выкуп положен за подаренные “опасные” нож, топор, бритву, иначе они могут навредить новому хозяину. За рассаду, кошку и собаку, за всё, пригодное в дому, но доставшееся даром, нужно заплатить, хоть копейку, но заплатить, иначе от дарёного не жди добра. Даже на похоронах монеты кидают в могилу, “окупая” покойнику место и здесь, в земле, и там, на том свете.

Обычай оставлять деньги в святых местах можно расценить как плату Всевышнему за настоящее и грядущее благополучие. Это же старинное представление лежит в основе семейной традиции запекать монетку в пироге. Так для обнаружившего её в своем куске – в своей доле – домочадца выкупается удача в делах.

За всё – от рождения до смерти – серебряные монеты выставляются символическим выкупом благополучия. Но именно знаковым, символическим, а не экономическим, не реальным. Ведь к реальным деньгам как к средству реального платежа русские всегда относились очень осторожно. Существовало древнее непоколебимое поверье, что хранителями богатства являются чёрт, леший, домовый, крылатый змей, Кощей Бессмертный. Причём змей, согласно древним сказаниям, хоть и приносит деньги в дом, но его надлежит непременно убить, потому как дом, в который змей сносит деньги, он же и спалит. Из поколения в поколение передавалось наизусть, что у чертей и домовых с лешинами деньги не их, они лишь сторожат чужие сокровища, подстерегая всякого, кто позарится на несправедное богатство. Поговорка: “Продавец – за товаром, купец – за наваром, а чёрт – за купцом”, – как раз о таком богатстве.

Особой нелюбовью русских всегда пользовались презираемые ими скупцы и скряги, которые, согласно преданиям, вступили в сговор с чертями,

душу им свою заложили. Известна расхожая притча, как скареда от жадности глотал деньги, глотал, глотал, да и помер, конечно. А как помер, пришёл чёрт и вытряхнул из мертвеца деньги, приговаривая: “Деньги твои, а мешок — мой”. Эта притча вполне соответствует русской поговорке: “Пусти душу в ад — будешь богат”.

В нашем народе издревле существовали строгие предписания, как обращаться с деньгами. Бойся брать деньги, не тебе предназначенные, это обернётся несчастьем. Нельзя брать найденные деньги — тоже не к добру. Запрещалось передавать деньги из рук в руки. Их надо было положить на плат — полотно, это и называлось “платить”. Категорически возбранялось класть деньги на стол, где совершается трапеза, ибо так осквернялась святыня за столом, что опять же приводило к несчастью. Строго предписывалось сполна расплачиваться с плотниками, печниками, да и со всеми другими нанятыми работниками, иначе сделанное ими пойдёт насмарку — и дом долго не простоят, и печь греть не будет.

Сами деньги на Руси считались вещью опасной, они-де и порчу могут переносить, переходя из рук в руки, злые люди способны на них заговорить беду.

Интересен старинный способ хранения денег — за иконами, на Божнице, словно их отдавали в сбережение Богу и святым. А так как ворованные или прочим нечестным путём добытые деньги Богу не отдашь, то и люди приучались зарабатывать честно.

Мечты о лёгком богатстве, соблазняющие лентяев и дармоедов, пресекались сказаниями о “неразменном рубле”, который при любой покупке возвращается в карман хозяина в нерастраченном виде, лишь бы тот получил с такого рубля хотя бы копейку сдачи. Согласно поверью, неразменный рубль притягивал к себе богатство, потому что в нём сидела нечистая сила. Чтобы достался “неразменный рубль”, требовалось отречься от Христа и присягнуть чёрту. Такова суть всех способов его заполучить. Либо ходить девять дней с монетой под пяткой, не молиться, не креститься, тогда-де явится чёрт и скажет, что человек прошёл испытание, и его рубль стал неразменным. Либо нужно в церкви на Пасху на возглас священника “Христос воскресе!” не ответить “Воистину воскресе!” прокричать, а колдовское заклинание “У меня чёрная кошка есть!” Сознательное приобщение к нечистой силе и отвержение Бога отвращало людей от желания таким путём разбогатеть.

Сказанием о неразменном рубле противопоставлялись иные сказки — о неисчерпаемом кошельке-самотрясе, который солдат получил в награду за щедрость, потому что подал нищему милостыню одной из трёх монет, заработанных за двадцать пять лет тяжкой воинской службы. В образе нищего просил милостыню у солдата Сам Христос. Он-то и одарил служивого щедрой наградой.

Именно щедрость и бесхитрость в обращении с деньгами приветствуются в наших русских сказках. Вспомним, как несуразно, казалось бы, тратят деньги наши сказочные герои. Иван-дурак покупает по доброте своей на последние грошики собаку да кошку, или корову, уже проданную другому, или сало, украденное у него самого. Но глупые траты в сказках оборачиваются неожиданным богатством в соответствии с пословицей: “Кинь хлеб за собой, найдёшь его перед собой”.

Такое представление заложено во всех русских поговорках, упорно утверждающих, что деньги не всемогущи, ведь “счастье не купишь”, “и здоровья тоже не купишь”, и правда неподкупна, так как “деньги могут много, а правда — всё”. Вот почему деньги у жадина и разбойников, скряга и воров часто превращаются в черепки, угли, листья, навоз, экскременты. То, что деньги — дерьмо, установка древняя, хорошо видно из самых первых зафиксированных “сонников” — толкований снов: видеть во сне экскременты — к деньгам, а если золото приснилось, значит, спящий измарал постель. Отсюда, кстати, старинное название ассенизатора — золотарь.

Словом, богатство в представлении русского народа никак не согласуется с навязываемой нам сегодня матрицей безудержного присвоения чужого или общего добра. У русских иные ценности жизни, и несправедно найжтое непременно взывает к совести человека и сопровождается напряжённым ожиданием возмездия за грех алчности. Не в деньгах счастье — это подспудно понимает каждый русский человек, пусть даже он, по словам Гоголя, весь извалялся в грязи и поклонничестве.